

В.В. МЕДУШЕВСКИЙ

*Московская государственная консерватория
им. П.И. Чайковского, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0951-1838*

Синергийная семиотика красоты в музыке¹

Статья мыслится как часть фундаментальной педагогики человечества, охватывающей всю историю и все стороны жизни. Предмет статьи – семиотика красоты, без которой оскудевает дух жизни в людях, народах, человечестве. Ядро теории составляет явление и понятие синергии (сотворчества), синергийного времени. По объединяющей, объясняющей и эвристической мощи понятие синергии для гуманитарных наук – то же, что для наук о материи революционное ньютоновское понятие силы. Но синергия, как глубинное основание всех гуманитарных наук, схватывает их специфику, учитывая дарованную человеку свободу – способность выбирать себя, свой путь и судьбу в сущем. Введение этого понятия решительно перестраивает и науку семиотику. Материалом статьи оказывается музыка, но её откровения красоты – восхищения духа – относятся и ко всем искусствам, ко всем сферам жизни, ибо бытие как общение организовано голографически (в каждой детали присутствует целое, например, в каждой крохотной исполнительской цезуре – синергийные законы всеисторического времени).

Ключевые слова: фундаментальная педагогика, синергия состояния, синергия процесса, целестремительное время, развитие, круг аввы Дорофея.

Для цитирования / For citation: Медушевский В.В. Синергийная семиотика красоты в музыке // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 2. С. 7–21. DOI: 10.17674/2782-3601.2023.2.007-021

VYACHESLAV V. MEDUSHEVSKY

*Moscow State Tchaikovsky Conservatory, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0951-1838*

Synergistic Semiotics of Beauty in Music

The article is conceived as part of the fundamental pedagogy of mankind, covering the whole history and all aspects of life. The subject of the article is the semiotics of beauty, without which the spirit of life in people, nations and humanity is impoverished. The heart of the theory is the phenomenon and concept of synergy (co-authorship), synergistic time. The concept of synergy in terms of its unifying, explanatory and heuristic power for the humanities is what the revolutionary Newtonian force concept for the substance sciences. But synergy, as the deep foundation of all the humanities, grasps their specificity by giving the freedom that is granted to a man – the ability to

¹ Текст статьи несёт в себе особую индивидуальность автора, возможно, непривычный строй мысли рождает неповторимый стиль и слог. В публикации сохраняется авторская редакция текста. В частности, чтобы не дробить восприятие, выдержки из Священного Писания даются без ссылок на первоисточник, тем более что соответствующие его места легко обнаруживаются с помощью современных поисковых систем (прим. ред.).

choose oneself, one's own path and destiny in existence. The introduction of this concept decisively restructures the science of semiotics as well. Music turns out to be the material of the article, but its revelations of beauty – admiration of the spirit – apply to all arts, to all spheres of life, because the being as communication is organized holographically (there is a whole in every detail, for example, in every tiny performing caesura there are synergistic laws of all-historical time).

Keywords: fundamental pedagogy, state synergy, process synergy, purposeful time, development, the circle of Abba Dorotheus.

Предмет семиотики. Семиотика – наука об общении, ищущая ответа на вопрос о том, как нечто неведущее воплощается и передаётся с помощью вещественного.

Применительно к слову способ связи кажется понятным. Слова «стул» и «стол», с материальной стороны отличающиеся одной фонемой, прикрепляются к разным предметам мира и их образам в сознании. Для Ф. де Соссюра, одного из основателей современной семиотики, исходное её представление – лист бумаги, одна сторона которого есть материальное означаемое, обратная сторона являет означаемое, а вместе они образуют знак.

У святых отцов семиотика не отъединялась, не отгораживалась от богословия. Исходным образом семиотических представлений отцов был не лист бумаги, а человек с его телом, душой и духом. Дивно! Стихи, картины, симфонии – тоже люди? Больше, чем люди! – ибо рождаются вдохновением, а вдохновение воспитывает человека, возводя его всё выше и выше. «Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное?» Сам ли царь Давид придумал пророческий псалом о Христе? Нет, то было откровением свыше. Псалмы стали частью Священного Писания и уже три тысячелетия влекут людей ввысь.

Не поэт творит стихотворение, а стихотворение поэта. Если б не так, то каким же

образом Татьяна Ларина могла удивлять Пушкина и радикально менять направление и смысл сюжета? Правда Божия выше поэта! А кто иной кроме Духа красоты вел Чайковского от ранних опусов к «Пиковой даме»? Он не скрыл источника – это вдохновение. Однако оно, по слову композитора, «такая гостья, которая не любит посещать ленивых»².

Вдохновение встречается с неотступной готовностью принять его. Встреча человеческой готовности с божественным подхватом зовётся синергией, и она – тема статьи.

Семиотика красоты охватывает все области и категории искусства. К примеру, стиль. «Стиль – это человек», – говорит Бюффон. Какой человек? Не бандит, конечно. Стиль – дар свыше. И национальный стиль тоже даётся народу свыше. Народ – не население. «Некогда не народ, а ныне народ Божий», – писал апостол Пётр. Григорий Богослов определяет народ как собрание богочтителей. Не в Духе? – значит, и не народ.

*Без Бога нация – толпа,
Объединённая пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что ещё страшней, – жестока,*

– писал иеромонах Роман (Матюшин) в 1990 году, когда страна готовилась стать не народом, но с третьего тысяче-

² Творческая установка Чайковского, обозначенная в письме к Надежде Филаретовне фон Мекк 24 июня 1878 г.

летия пытается освободиться от рабства [см.: 2]. Для известного политика Жозе Баррозу Россия – «цивилизация, замаскированная под нацию» [см.: 1]. Печать Саудовской Аравии с сочувствием повторяет слова Вл. Путина о России, способной птицей Фениксом возрождаться из пепла. Гоголь говорил, что вся Россия – один человек. Музыка Чайковского поёт о том, что и весь мир – один человек. Достоевский скажет о всемирной отзывчивости русской культуры. О семиотике соборности тоже будет у нас речь дальше.

Почему все семиотические явления устроены по подобию человека, а человек – по образу Божию? Потому что бытие есть общение, беспредельным пределом имеющее Царство Божие. Как общаться, если б слова и интонации были подобием бумаги? «Души людей – божественные, хотя против кричит Эпикур, – природу свою постигают через песни», – заметил ещё язычник Цензорин [7, с. 224].

А в музыковедении? Вот это рождающееся сейчас эссе – тоже человек? О, всем бы нам, пишущим и играющим, родиться в вечность, которая делает из нас людей! На всё надо смотреть с точки зрения вечности. Давно была у меня статья о фантазии, где утверждалось: чем талантливее композитор, тем у него меньше фантазии, а у гениев её нет совсем. «Музыка есть откровение», – говорил Бетховен. Размахивая руками и пугая прохожих, бегал он по полям, живя в творимом шедевре. И нам нужно пробуждаться от фантазий, дабы приблизиться к истине и красоте (семиотики творчества касаться не будем, это особая тема).

Слово без жизни в нём – труп. Мыслилось оно отцами не вещью, не соссоровским семиотическим листом бумаги, а энергией. Призвание слова – отзываться жизнью несказанной. «В начале было Слово». «Слово

Его было со властью» – властью претворять жизнь в восторг, радость, подвиг. Единое для Вселенной Слово истины неотделимо от Святого Духа. Бог есть Дух. И человеческое слово может нести в себе житнетворящее начало. «От избытка сердца глаголют уста», – учит Христос. В избытке сердца – сокровище, доброе или злое. Какой дух живёт в слове и интонации? «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Никому не избежать выбора между дьявольским аутизмом и открытостью Богу! Так на поле истории возникают и до приблизившейся жатвы растут вместе пшеница Божия и плевелы дьявольские со словами и интонациями сквернящими. Фундаментальная неоднородность истории запечатлевается семиотически.

Интонация – воплощение духа. Она живет в слове, но и сама вещает таинственно. В 2002 году, находясь в Токио и не зная японского языка, я решил понять дух страны, на всех телевизионных каналах ища музыку. Я ощутил этот дух. В России тогда все музыкальные передачи бесприсветно были забиты кривляньями попсы. Япония удивила. Никакого заискивания перед тинейджерами. Листая каналы, я их увидел не скоро. Вот хор женщин лет шестидесяти в рабочей одежде. Впереди корифей, женщина лет сорока. О чём поют? Не узнать было невозможно. То была стилистика наших 60-х. Вот пара помоложе. Она пела интеллигентно, напоминая Эдиту Пьеху. Несомненно, пели о любви. Но вот, наконец, искомые тинейджеры. Поют и двигаются в манере рок-музыки. Надо дёргаться – дёргаются. Но что это? Ни тени агрессии, злобы. Они казались мне Мальвиной и Пьеро из доброго кукольного театра Буратино. «Почему у вас такая чистая музыка на телевидении? Почему полностью отсутствует музыкальное сквернословие? У вас жёсткая цензура?» –

поинтересовался я потом у организаторов лекций. Они удивились вопросу: а зачем безобразничать на телевидении? Это ведь нехорошо, некрасиво.

Музыка – язык истины для сердца, которое не отделено от ума и воли. Три силы души связаны друг с другом неслиянно-нераздельно. Ум, око души, призван к Истине – живому Солнцу бытия. Без света истины ум слеп. *Сердце* – для красоты, любви, радости бытия. *Воля* – для творения и подвига жизни. Воля есть сила, изменяющая бытие (к худшему или к лучшему). «Я есмь путь и истина и жизнь», – говорит Христос. Путь человека начинается с выбора направления, с определения сокровища жизни, и здесь воля действует в союзе с умом, светом истины, освещающим всё вокруг. К союзу ума и воли присоединяется и сердце, теплом радости, любви и красоты исполняя бытие.

Тройственный союз питает каждую из сил. Уменьшение одной из них умаляет и целое. «Без любви человек не более, чем мертвец в отпуске», – говорит Ремарк [6]. Без красоты, восхищающей силы любви, покойник не вернётся из отпуска. От иссушения сердца рождается бюрократ, лишённый как света бытия, так и простора для действий воли. Бедный, начинает он творить серость вместо восторга жизни. Библия говорит: «Каков делатель – таково и дело». А мы-то глупо спрашивали: что делать! Самый нерусский вопрос, пришедший с Запада. Философ В. Соловьёв в духе святоотеческой традиции отвечает: лечиться! (Вспомним традиционное определение Церкви как лечебницы).

Высота духа, проявляющего себя в добром союзе сил, составляет высший предмет семиотики, хотя никто не воспрещает изучать ей и язык животных. По Библии, человек без Бога – тоже животное (Еккл. 3:18). Человеком же становится при усло-

вии богообщения. С Неба приходят откровения и вдохновляют народы.

Теперь о музыке.

Предмет музыкальной семиотики. Музыка пленяет красотой. В красоте же невидимо присутствует союз духовных сил. Послушаем определения гениев.

На Бетховена мы уже ссылались: «Музыка есть откровение, более высокое, чем мудрость и философия». Бетховен не был пустословом, говорил, что опытно знал. Мы со студентами идём по следам божественных откровений и так возвышаем свой взгляд. Бетховен не говорил о музыке иначе, как о «священном и божественном искусстве». Она – внятный язык несказанностей.

«Последняя цель музыки – служение славе Божией и освежение духа» (определение Баха). Без того, по слову композитора, вместо музыки перед нами «шум и дьявольская болтовня». Служение – дело воли. Идеал служения принёс на Землю Христос. «Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих». Бог послужил нам Творением мира и нас самих, спасительной жертвой Христа, Промышлением Своим служит нам каждодневно, ежечасно, посылая всё новые и новые обстоятельства для воспитания к Царствию Своему. Мы неблагодарны и неблагородны, если не чувствуем потребности ответить взаимностью.

Вне обертона духовной воли нет величия искусства. Безвольная красота – нонсенс. Безвольна лишь внешняя красивость, вялая имитация красоты. Сказанное касается и исполнительского искусства. По мысли Рахманинова, великого пианиста и дирижёра, артист не может выйти на сцену без чувства миссии. Миссия – посланничество, а оно в своей основе – высшее и ответственное служение.

Красота со всеми обертонами – не вещь, а энергия. Её специфика – восхищение духа. Красота – сестра любви. Как любить и не восхищаться? «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные», – поёт Песнь Песней. Восхищение – слово церковное. До третьего неба был восхищен апостол Павел и слышал там глаголы неизреченные, Красотой славы Божией дышали они. Слава Божия – совершенство всех Божественных совершенств. Неизреченная красота открывшейся апостолу славы Божией не осталась бесплодной. В его посланиях она пролилась на Землю потоками мудрости.

Энергичность красоты и любви не позволяет пользоваться семиотической триадой означаемое-означающее-знак, – скучной и мёртвой. Ради адекватности познания отринем её! Да станет семиотика искусства онтологией чуда и восторга: «являемое-являющееся-явление».

Красота, истина, добро, любовь, сила жизни – не обозначаются, а являются в мир свыше, творя новое бытие.

Обновляющий бытие дух красоты – является. Является же – через дивную организацию звука и звуков. Они-то и оказываются «являющим».

Знак информирует о чём-то. А любить о чём-то – бессмыслица. Любовь, исполненная восхищением красоты, возвышает, если она истинна. Адам и Ева до предательства стремительно возрастали в любви и бытии, делясь друг с другом радостью славы Божией. Так исполняли заповедь возделывания внутреннего рая восторга. Рай внешний был живым свидетельством любви и красоты Божией. Когда ж прародители приняли в себя ложь, вкусив от древа познания добра и зла в их безобразной смеси (а не в полной несовместимости), – скукожилась любовь, померкла красота, смерть разлучила их с бессмертием

древа Жизни. При изгнании из рая дано обетование о Семени Жены. Из обетования родилась и понеслась по поколениям надежда царствия света, веры, любви, пророчесственной красоты. Так что и музыковеды имеют теперь возможность построения семиотики музыкальной красоты.

О, как хочется сразу же начать строить семиотику музыкальной красоты в её бесконечной конкретности! Общие понятия без конкретики утомляют, конкретность же несёт в себе живую достоверность для сердца и воли.

Но нужна ещё *система категорий и исходных представлений высшей, истинно человеческой семиотики*. Человек одарён божественной свободой определять себя и своё бытие пред лицом Творца. Любовь, истина, красота не могут насиловать волю человека. Невозможно приказать человеку: люби меня, восхищайся моей красотой, познай истину! Свободу Бог не попирает, и потому столько получает душа из океана несказанностей, сколько хочет принять. Бытие – общение в свободе. И принцип, который его организует, зовется *синергией*.

Синергия. Это центральное понятие бытия как общения – от апостола Павла. Синергами (соработниками) он назвал христиан. Соработниками – в достижении Царствия Божия. Насильно оно не может быть навязано, потому что человек создан как Бог в возможности, для чего ему дана высшая свобода – свобода определять самого себя и образ своего бытия пред лицом или в отдалении от Творца. Если хочет душа любить Бога, восхищаться Им, жаждать умного света истины, творить добро – тогда Царствие Божие приближается и поселяется в ней. Если ж озлится душа, по примеру аутиста-дьявола замкнувшись в самость и уклонившись от богообщения, – то стремительно стареет, разлагается. И никакие таблетки

от депрессии не изгонят из неё злого духа отчуждения.

Испорченная душа отвращается и от прекрасной музыки, жаждет звукового безобразия, преуспевая в том. Ни одна душа, как уже сказано, не избежит генерального выбора бытия. В результате выборов на поле истории всходят и произрастают до жатвы одновременно пшеница Божия и плевелы дьявольские. Признаки приближающейся жатвы детально описаны.

Но не о жатве истории эта статья, а о красоте в её синергийной достоверности.

Синергийны заповеди Божии. Ищите – и обрящете. Просите – и получите, стучите – и отворят. Приблизьтесь к Богу – и приблизится к вам.

В науке и искусстве – тоже так. В ответ на творческое недоумение Менделеева явилась ему во сне таблица элементов. Композитор тоже незнаемого ищет. Ищет неслыханного! Восхотелось Рахманинову создать нечто несказанно прекрасное – и явился ему замысел пророческой Прелюдии *cis-moll*. И для музыковеда семиотика красоты – загадка. «Волга впадает в Каспийское море» – здесь загадки нет, нет и импульса мысли как потребности. Теория начинается с творческого недоумения. Надо уметь видеть белые пятна науки, томиться ими. Не успокоится встревоженный загадкой ум, доколе не удостоверится в красоте открываемого знания. Покой этот относительный, ибо Бог бесконечен, так что предела мысли, соответственно, тоже нет.

И ближайший поворот мысли о синергии как об универсалии сущего – о соборности. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Райский восторг в одном сердце на двоих – здесь суть соборности. Как сопряжена любовь людей к Богу и между собой? Мысль

о двух измерениях любви и красоты поясним в следующем разделе.

«Круг аввы Дорофея». Два измерения любви – социальная горизонталь и духовная вертикаль. Слова «горизонталь» и «вертикаль» привычны, но неточны. Прямоугольная декартова система координат искажает и разрознивает бытие, в то время как духовный мир организован центростремительно. Глубже и точнее видели действительность святые отцы. Авва Дорофей, подвижник VI века, представил оба измерения в полярной системе координат: Бог – центр, люди – радиусы: ближе к Богу – ближе и меж собой. Но и наоборот: без любви людей друг ко другу не наполнит их несказанная Троицкая любовь Божия. Отношения людей Бог поставил мерилom Своего отношения к ним. Ссоры, неприязнь, зависть, вражда, корысть, эгоизм – противны природе Божией. А если люди любят друг друга, то и Бог посреди них. Мы это видим в музыке. В романсе Рахманинова «Здесь хорошо», во второй части формы, видим это дивное восхождение любящих голосов к источнику любви своей!

Разобшение же сопряжённых измерений бытия сквернит его. Секс – убийство любви, измысленное дьяволом с целью оттянуть человека от чистейшего Бога. Пример междусобойчиковой мнимой красоты видим в вульгарности попсы – тоже оккультном извращении Новейшего (апокалиптического) времени, которое займёт не одно столетие. Время начавшейся жатвы в истории человечества столь важно и ответственно, что в мельчайших подробностях описано в словах Христа, в книге Откровения, в так называемых «Малых Апокалипсисах» Нового и Ветхого заветов, – дабы мы (люди, страны, цивилизации) жили высоко, празднично и трезвенно среди глобальных безобразий и бедствий.

Полярная система координат аввы Дорофея касается не только людей и народов. Она пронизывает всё бытие.

Понятия тоже сродняются при близости Богу. Истина, любовь, красота, божественная свобода, жизнь – не существуют друг без друга. Может ли истина быть мёртвой, злой, подавлять свободу? Истинная любовь может ли быть глупой?

А «сосна», «револьвер», «жираф», «либерал», «борщ» – далеки от Бога, чужды и меж собой. Если легко сказать: красота – сестра любви, то револьвер для сосны – не язык и не брат. Требуется усилие, чтобы приподнять слова и связать: «Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад Изысканный бродит жираф» (Н.С. Гумилев).

Полярная система координат всеохватна. Бытие подобно солнечной системе: Солнышко одно, а обличает формы всего: краски осени, величие гор, малость букашечки... А ещё даёт всему энергии. Без солнышка не было бы и жизни.

Вблизи Солнца бытия сближаются и обстоятельства. Небесная любовь сродняет народы, сближает языки. В купель крещения вошли многие племена, вышел из неё русский народ, а злоба богоборчества взорвала могучую державу, и далеко разлетелись злобствующие осколки. Ради поддержания близости Богу чередуются в истории времена разбрасывать камни слаженного бытия и вновь собирать их. Бедствия протрезвляют. Этот закон мы видим на всех масштабах времени и во всех сферах бытия. Почему основой музыкальной формы стало синергичное единство устойчивости и неустойчивости? По закону аввы Дорофея. Не будь напряжения разработки – разве тянулись бы мы к онтологической радости репризы? Вот почему Чайковский определил главную задачу композитора в разработке – отклониться

как можно дальше и как можно стремительней от основной тональности.

Подробнее нужно остановиться на проявлении закона Дорофея в отношениях храмовой и внехрамовой сфер бытия. Христос в 1830 году открыл для человечества через Серафима Саровского условие спасения: оно спасётся, если объединит разошедшиеся сферы светского и церковного искусства. Условие выполняется в шедеврах. Взглянем, например, на фактуру. И ныне в её основе лежит хорал. В особенности прекрасен фигурированный хорал, выросший из мелизматического органума. В нём молитвенная строгость сопряжена с потоками благодатной радости. Вспомним, как ослепительно звучит он в репризе увертюры «Тангейзера»! И как ярко выражает идею оперы!

А вот совершенно другой облик красоты: трагедийно-героические последние этюды опуса 25 Шопена. Этюд *c-moll* – вселенского размаха. В хоральном голосе – готовность к подвигу до смерти. Откуда его внутренняя мощь? От укреплений духа во вздымающихся огненных пассажах. Удивительно, как в исполнении Г. Соколова последние ходы басов зазвучали неожиданно по-русски – словно на могучих басовых русских колоколах. Потрясающе! Колокола подтвердили: не о земном этюд! А о том, что превышает возможности людей. Случайно ли хоральный голос начался с мотива креста, который дальше трансформируется в монограмму В-А-С-Н (в транспозиции от ноты *Es*)?

Этюд *a-moll* предваряется молитвенной псалмодией, затем она излагается хорально. И когда налетит буря житейских невзгод, они не сомнут душу. Подготовленная молитвой, она встретит искушения с дерзновением духовной отваги. Псалмодированный хорал зазвучит маршеобразно и решительно. Вот что такое духовная

отвага. Словами сразу не объяснишь, а в музыке она является с очевидностью.

Вот ещё пример – этюд *As-dur* того же опуса: тоже псалмодированный хорал, растворённый в фигурациях. Если пройти мимо этой молитвенно- собранной приподнятости, – чуда не будет. Безвольная красивость серьёзной музыке не нужна. Одна дама (по свидетельству Листа) сделала такой сомнительный комплемент Шопену: его музыка – как водичка. Композиторы пишат кровью сердца не для таких дам.

В контексте мысли Христа об условии спасения человечества в единении церковной и светской сфер – о псалмодии нужно сказать особо. Её молитвенная приподнятость способна полностью преобразить музыку. Даже двух-трёх нот псалмодии достаточно для того, чтобы дух устремился в высь небесную. Заменим опеванием начальную трёхзвуковую псалмодию в главной партии скрипичного концерта Мендельсона. Куда делась полётность темы? По закону производного контраста (побочная партия должна рождаться из главной, как Ева из ребра Адама) сходным опеванием нужно было бы изменить и её начало. Получившаяся размазня возмутит слух!

Ещё один опыт. Заменим группеттообразным опеванием 4–7 псалмодические звуки романса Глинки «Не искушай меня без нужды». Распетое группетто – прекрасно. Но в контексте элегии, преображённой русским духом, группетто – слизь пошлости. Законом аввы Дорофея живут шедевры.

А какое чудо вышло из фигурированной псалмодии в «Грёзах любви» Листа!

Первые шесть звуков псалмодии придают необыкновенную глубину, силу, подлинность. У этой музыки есть слова, и все они в повелительном (лучше бы сказать – в призывательном) наклонении: люби! О какой любви идёт речь? В русском языке для неё одно слово, в греческом было три. Но когда потребовалось говорить о любви духовной и возвышенной: о силе, зовущей к трудам и подвигу, – что было делать грекам? Пришлось принять в греческий язык древнееврейское слово, которое стало звучать как агапе (ἀγάπη).

Аналогичный перенос совершился и в музыкальном языке. Псалмодия, родившись в Церкви (в храме говорят и поют псалмодически, на одном звуке), проникла в светскую музыку. И в Ноктюрн Листа ввела ген духовной собранности и божественной серьёзности³.

При переносе церковной псалмодии в оперу родился речитатив – в первой же дошедшей до нас опере «Эвридика» Я. Пери. Слушатели были потрясены новшеством, но божественная высота сюжета о любви, смерти и красоте оправдала его.

В следующем разделе мы увидим связь стиля барокко с церковной музыкой Средневековья, но одновременно – и со светскими опытами XVI века.

А как в Русской цивилизации? Из западного хора родился русский хорал, свободный и широкий (изумительным примером является хор, заключающий «Пиковую даму» Чайковского). Специфическим источником явился знаменный распев, олицетворение свобод чад Божиих в любви Божией. Без него не помыслить стиля Рахманинова. Сестрой знаменного распева в XVII веке была русская протяж-

³ У Листа, как и у Бетховена, была неумирающая любовь к далёкой возлюбленной. Долгая история любви завершилась трагически. Возлюбленные шли к венцу, когда от Папы пришёл запрет. Она чуть не сошла с ума, Лист принял сан аббата. Словом «грёзы» Лист, вероятно, хотел подчеркнуть мысль о недостижимости небесной любви в этом мире. Потому не следует вымысливать в него расслабляющий характер безвольной мечтательности. Шедевр пронизан упованием любви бессмертной. И эту мощь, и эту серьёзность надо чувствовать – и так приподнято и вдохновенно исполнять гимн вечного торжества любви.

ная песня, также рождённая духом глубочайшей серьёзности и одновременно свободы в любви Божией.

А языческие напевы? И они наполнились возвышенным евангельским смыслом. «Заклички весны»: их магическое происхождение выдаёт бесконечный повтор кратких мотивов. А в финале Первого фортепианного концерта Чайковского главная партия на мотивах украинской веснянки просит уже не о календарной весне, а о вечной весне Царствия: небесные ответы любви появляются на побочной теме русского характера. Может ли искомое Царство любви не прийти в силе и славе? Кода открывает это вселенское торжество. Русская тема любви начинается с ударом литавр. Неслыханно, но и всепонятно: ибо Царствие Божие рождается из синергии всемогущества любви Божией и жажды человеческой. Закон всеохватной соборности! Такова сила правды – полярной системы координат (святоотеческого круга аввы Дорофея).

Ещё одно подразделение требуется для описания музыки. Синергия едина, но выступает в двух видах.

Синергия состояния и синергия процесса. Есть святость, близость Царствию, и есть стяжание святости. «Блаженны нищие духом» – здесь *синергийная высота состояния*, как предстояния. Здесь время снято, хотя понятно, сколько трудов и исканий скрыто за этим блаженством.

«Ищите и обряцете» – а это *синергия процесса*. Она развёртывается во времени как диалог нашей инициальной активности и дарований благодати.

Музыка как временное искусство имеет естественную склонность к синергии процесса. Но в ней важна и синергия состояния. Одной моей японской студентке-пианистке я сказал о духе соль-мажорной прелюдии Рахманинова: «Её трудно ис-

полнить без понимания того, что называется исихазмом. Вы, конечно, не знаете, что это такое...» – «Я знаю», – прервала меня студентка, – это когда не человек молится Богу, а Бог молится в нём». Удивительные бывают японки, знающие то, чего не знают русские и даже православные люди! Малейшее уклонение к самовыражению – и дивный образ благодати Святого Духа покинет музыку.

Музыку барокко невозможно исполнять, как музыку классическую или романтическую. Она струится, но одновременно и пребывает в вечности. Принцип её формы – развёртывание состояния, в котором присутствует вечность.

Как барокко додумалось до такого? А ему предшествовала многовековая история церковной музыки Средневековья. Душа приносит Богу молитвенный труд, свыше приходит чувство присутствия Божия. Усилие предстояния и благодатное чувство близости божественной вечности составляет то единство, которое мы называем синергией состояния.

И как всё изменилось в классико-романтической форме! Когда композиторы Мангеймской школы предклассицизма впервые использовали приём оркестрового *crescendo*, слушатели инстинктивно встали с мест. Какая сила их подняла? Не сама громкость, конечно. Никто ведь не встанет в горении духа при шуме приближавшегося поезда метро! Духовная отвага, охватившая душу сейчас и здесь, – вот что явилось причиной. Состояния до *crescendo* и после него – разительно отличны. От *иконы вечности* мы явно перешли к *картине стяжания высшего*.

Не случайно в это время в психологии и музыке воссияло новое понятие мотива. Значение слова – «движущий». Мотив, в отличие от барочного ядра, – пружинка воли, усилием рвущейся к Небесам

и синергийно подхватываемой силой благодати. Неожиданные подхваты мы видим и на более высоких уровнях формы. К примеру, в связующих партиях сонатных форм. Их специфическая энергия хорошо передаётся церковным понятием дерзновения. В отличие от самолюбивой дерзости, дерзновение держится ободрением свыше. Именно по эффекту подхвата мы распознаём сердцем обновление энергии в связующей партии (а на звуковом уровне – часто наблюдаем «стучащий бас», дробление мотивов, толчки модуляционного движения, которое замрёт на предыкте пред чудом красоты побочной партии).

Череда преображений составляет суть развития. Оно так же далеко отстоит от развёртывания, как кинематограф – от иконы.

Для понимания развития нужно яснее представить устройство времени бытия.

Встречная полифония времени. Общая организация времени описана в моей статье «Корпускулярно-волновой дуализм в педагогике» [3, с. 30–45]. Сейчас представлю эту идею в максимальной сжатости.

В каждый момент времени, в каждое «сейчас и здесь» (которое может быть секундой, эпохой, эрой) встречаются два потока. Один поток – *время детерминистское*. Второй поток – *время мирозозидающее*, приближающееся из будущего, к которому мы синергийно тянемся и стяжаем благодатью в настоящем.

Детерминистское время катится из прошлого к настоящему через шестерёнки причин и следствий. Это время энтро-

пийное и мёртвое. Энтропия – мера беспорядка. В соответствии со вторым началом термодинамики материальное время движется в сторону увеличения беспорядка, что противоположно явлению развития. Закона развития в физике не существует, а факт его – налицо. Как объяснить противоречие?

Наука синергетика утверждает: развиваться может только открытая система. Закрытая – не может. Не может развиваться труп человека, булыжник, часовой механизм, всякий автомат⁴. А материя в целом? Если она закрытая система, то действует закон энтропии. Если открытая, – то чему? Открытая тому, что материей не является, что даёт ей направление. Без последней цели сущего невозможно с бесконечной точностью рассчитать фундаментальные законы материи как служебной и управляемой стороны бытия.

Случайность как фактор развития? Но она тоже энтропийна и измеряется строгой математической и тоже детерминистской наукой – теорией вероятности, которая свидетельствует о бесконечно (!) малой вероятности любого чудесного события, тем более развития в целом.

Целесообразность, сообразность цели? Значит, цель где-то есть в сущем и способна направлять процессы в мире?

Из двух великих вопросительных слов: «почему» и «для чего» – только второе позволило царю Берендею воспеть хвалебную песнь «Полна, полна чудес могучая природа!». Почему вода уникальна и ведёт себя не как все жидкости? Таких отличий – 66! Например, она парадоксально

³ А так называемый «искусственный интеллект»? Он – чуть приоткрытая система, ибо информацию получает от человека. Почему чуть? А он не может общаться с Богом, напрямую получать откровения, не может озаряться истиной, восхищаться красотой, отвечать Ему любовью. Доверить ему социальные отношения – безумие, ибо: ход его цифровых расчётов проверить невозможно. Вне богообщения даже светлейшие ангелы превратились в бесов. Искусственный же интеллект станет бесом искусственным, способным (без злого умысла, но просто заключённой в нем силой самоотлучённости от Бога) наносить человечеству травмы, не совместимые с жизнью и продолжением истории, чем воспользуется антихрист. Для принявших его цифровые печати и управляемых цифровыми деньгами возможность бытия в свете закроется навсегда. Во тьме ада приятного мало. Потому призвание России в начавшееся время жатвы – стать для желающих землёй спасения.

увеличивается в объёме при замерзании. Почему? Отвечая на детерминистский вопрос, физики говорят о не вполне ясных тонкостях водородных связей. Зато зиждательный вопрос «ради чего?» открывает восхитительную картину всепронизывающей целесообразности творения. Если б по примеру других жидкостей вода уменьшалась в объёме и лёд бы тонул, превращая водоёмы в твёрдое тело, то растения и животные в них не были бы довольны.

«Сейчас и здесь» – точка встречи двух потоков времени: энтропийного и зиждущего. А в точке встречи – фундаментальная неопределённость и необходимость выбора: быть ли отражением материи или Божественной жизни? Стать ли Беликовым, «человеком в футляре», или волной восторга, летящей по Вселенной?

А что было до человека, ради которого возможность доброго выбора в открытости богообщения? Как готовилась колыбель для человечества? В какую-то счастливейшую миллисекунду (это скорость химических реакций) из 10 в 23-й степени миллисекунд всего времени Вселенной, в теснейшей близости, возникла масса вещей, притом одновременно (а не с разрывом в годы или километры). Прежде всего – простейшая молекула белка (вероятность – единица, делённая на 10 в минус 240-й степени, что потребовало бы увеличить время существования Вселенной в 10 в 217-й степени раз).

Но белок – не жизнь. Для жизни нужны такие же сложные ДНК, РНК, цитоплазма, в которой идут метаболические процессы энергообмена. А ещё нужна оболочка клетки, дабы компоненты не разошлись, как в море корабли. Заметим, что все компоненты друг без друга абсолютно бессмысленны! Клетка могла возникнуть только сразу.

Целесообразность претворяется в целестремительность с появлением человека с его волей, жаждущей близости вечному Богу.

С начала новой эры, сердцевины человеческой истории, Христос открыл человечеству последнюю цель Творения. Царствие Божие приблизилось! Потоки благодати обильно полились на землю, изменив бытие мира. Каким было ветхое время? «Возвращается ветер на круги своя, всё суета сует, и нет ничего нового под солнцем». И вдруг – ослепительно вспылала эра вечной творимой новизны. И поныне живёт в ней человечество. И ускоряется время. По достижении конца истории исчезнут перегородки между прошлым, настоящим и будущим. Стяжавшие способность жить в Царствии, люди разных веков станут современниками, лучше сказать, «со-вечниками». Настоящее время «сейчас и здесь» – расширится, в мгновении откроется вечность неумирающей новизны, ибо любовь не может не творить.

Кайрос, время благоприятное. Промыслительно Новый завет проговорился на греческом языке, а Христос на смущённые слова апостолов, что его хотят видеть какие-то еллина, ответил пророчеством: «Пришло время прославиться Сыну Человеческому» (прославиться, естественно, не в нашем горделивом смысле).

Греки различали время, олицетворённое Кроносом (у римлян это Сатурн), и время, открывающее перспективы будущего. Его покровителем считался бог Кайрос.

Первое время – материально-энтропийное. Поколения приходят и уходят. Безвозвратно? Всех ли своих детей пожирает время-Сатурн, как на фреске Гойи? Нет, есть иная возможность. Святитель Николай уже почти два тысячелетия помогает миллионам людей. Сонмы святых – свидетельство Царствия Божия, непрестанно умножающегося и ждущего нас.

А другое время у греков было покорно Кайросу, богу счастливого шанса.

Шанс – «сейчас и здесь», но в нём надежда будущего: лучшего, высшего. Изображение Кайроса стояло при выходе на Олимпийский стадион. Какой из участников Олимпийских игр (религиозного действия!) непочтительно прошёл бы мимо? Побеждали те, кто вероятием лучшего будущего принимал его от Кайроса. Об одном бегуне удивлённо говорили, что его ноги не оставляли следов на песке. Не такой ли летящий в красоте бег изображён на амфорах? Никаких судорожных спазмов на лицах. Искали ведь не автомобильной скорости, а вдохновения и восторга. Победители, олимпионики, возводились в сонм небожителей. Гениальные скульпторы создавали их изображения, копии распространялись по метрополии и всем колониям Великой Греции. Интуиция греков удивляет. Но она – как огонёк свечи. Когда взойдет солнце?

«Ныне исполнилось писание сие», – начал свою речь Христос, отложив данную ему для чтения книгу пророка Исайи. Все взгляды устремились на Читавшего. Громовое «ныне»! Исполнились не только пророчества Библии. Исполнились и надежды всего человечества. Каким оно теперь стало, время-кайрос?

«Се, время (кайрос!) благоприятное», – возглашает Апостол. Какое это время? Время спасения. И сколько длится – мгновение? Нет, теперь оно расширилось, охватило всю Новую Эру вплоть до скончания века. «Сюда и здесь», в настоящее, летит время-кайрос из Царствия Божия, стяжается вероятием, подхваченное благодатью. Вот в каком чудном времени живут святые, гении, вдохновенные исполнители. И нам надо стремиться к тому же.

Синергичное время-кайрос самоподобно на всех масштабных уровнях и во всех своих проявлениях. Последняя цель цезуры, жизни и истории – Царствие Бо-

жие. Огненная цезура в игре музыкальных гениев проникнута вероятием блаженного будущего. Не вспыхнет последняя цель бытия в цезуре – останется она возмутительно мёртвой. Слух отвращается от клеветы на бытие. В чудесном времени развёртывается творческий процесс композитора. Стилиевая эпоха тоже целестремительна. Согласно мысли Новалиса, понять – значит продолжить. Последнюю цель бытия композиторы приближали как могли и как давалось свыше.

Самоподобие времени – для цельности бытия. Без целестремительности цельности нет, начинается регресс, деградация, время становится материальным, детерминистским, скотским, энтропийным, ведёт к безобразиям, в ад.

Семиотика музыкальной культуры. Неплототворно заниматься деталями, не разумея целого. Музыкальная сфера жизни во всех её проявлениях синергична, соборна, ищет красоты, развёртывается в полярной системе координат аввы Дорофея. На сегодняшний день главные компоненты таковы:

Музыкальное произведение	Стиль	Музыкальный язык
	Жанр	

Исполнительское искусство продолжает эту схему в своей области. Произведение раскрывается во множестве интерпретаций, дух стиля и жанра тоже должен ярко обнаруживаться в исполнении. Язык исполнительского мастерства включает в себя базовые навыки (цезура, эмпфаза и иные) и проекции всех элементов музыки. Плох исполнитель, не слышащий, например, тонкости гармонии, начиная с неповторимости каждого тона трезвучия.

Сопряжение речи и языка – универсалия. Мир из одних уникальностей был бы хаосом. Язык, система возможностей, по-

зволяет строить бесконечное число уникальностей наипонятнейшим образом.

На элементы и грамматики музыкального языка распространяются все рассмотренные ранее законы красоты. Если доминанта – лишь винтик, вывинченный из грамматики гармонии, то из этой мертвечины никогда не родится чудо красоты. Но если мы услышим её небостремительную силу, то всё оживает. Без высшего смысла все элементы музыки неминуемо распадутся, как распадается разлагающийся труп. Если же в руках музыканта не винтики, а трепетные мысли Божии, то сами они тут же возжаждут единения, дабы воспеть вдохновенный гимн красоты.

Пусть каждый читатель представит любой элемент музыки этими двумя способами, – и он убедится в правоте приведённых слов. Здесь водораздел между музыкальностью и не-музыкальностью. Музыкальный слух – орган поиска вышней красоты. «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснётся...» Чуткий слух – синергийный слух.

Здесь ключ и к методу воспитания гениальности во всех без исключения предметах.

Теперь о *стиле* и *жанре*. Откуда эта пара? Субъект жизни, живущий, – неотделим от жизни как условий, обстоятельств и ситуаций жизни. В вальсе Шопена слиты и стиль композитора, и жанр вальса. Но Шопен писал не только вальсы, вальсы же писали также многие композиторы. Потому и теория может обе категории мыслить раздельно.

О стиле, даруемом свыше, мы уже говорили. А жанр? Он тоже дар Неба?

Он тоже подчиняется законам семиотики красоты. Небезразлично он запечатлевает в себе условия и ситуации жизни. Нет, их нужно прожить достойно. Жанр вбирает в себя эту последнюю цель

и мудрость жизни. Именно потому столь могущественным и вдохновляющим образом действуют на нас жанровые особенности музыки.

Возьмём марш. Раньше ходили под пение хорала, молитвенной хоровой песни. Собранность и соборность передалась маршу. Ради чёткости строевого шага добавился пунктирный ритм, акцентирование сильных долей.

Но марш – не для ног. Он для сердца. Вот Марш гвардейцев-миномётчиков С. Чернецкого. С ним у меня связан поучительный случай. В Хабаровской епархии попросили меня выступить перед ветеранами Великой Отечественной войны. Увидел перед собой в основном старушек (они долговечнее стариков). Спросил их: что такое удаль? Это ведь не просто смелость, не просто храбрость, которая может быть хмурой и со стиснутыми зубами. Пришли к выводу: удаль – весёлое бесстрашие перед лицом смерти. А как его выразить? Ну, конечно, марш с его силой решимости и отвагой в звучании меди – обязательная основа. Но как сделать её весёлой? А надо подбавить танцевальности, в которой всегда энергия свободы и восторга. А что такое мужественность? Ведь не скулы же! – как и пословица иронизирует: молодец против овец, а против молодца – сам овца. Что же позволяет выстоять перед превосходящей мощью противника? Только любовь. Как её выразить? А для неё – песня. «Но и любовь мелодия». И вот что делает Чернецкий, ученик полифониста Танеева: при повторении удалой темы контрапунктом идёт знаменитая мелодия «Катюши». Вот он, истинный источник мужества – любовь. Ошеломительно! А можно ли начать марш без вступления – призвания свыше? Тоже невозможно.

После того как мы разобрали и прослушали марш, произошло чудо: вместо ветхих старушек передо мной сидели

девушки 17–18 лет, с покрасневшими щеками, с горящими глазами. Ведь те годы великой войны были для них лучшими годами их жизни. После Марша мне было легко перейти на «Сечу при Керженце» и иные шедевры.

Если человек создан на вырост (к Царствию Божию), то на вырост и его культура. На вырост и жанры. Музыканты вдумываются, вслушиваются в них. Тогда они обновляются. Освежающая сила приходит из будущего. Аристотель назвал это энтелехией. В буквальном переводе его неологизм – «вцеленность»: цель, ставшая сущностью. В христианстве это тождество напоено беспредельностью. Последняя цель бытия есть его сущность. Вот почему симфония, соната и иные жанры могут исторически развиваться. А энтропийное время сопряжено с дегенеративными процессами. Кантаты Баха и кантаты во славу труда или КПСС... В советское время это был едва ли не центральный жанр, но он был гробом красоты.

То же нужно сказать о жанровых интонациях и жанровых началах, которые можно комбинировать в конкретных произведениях. Если исполнитель не чувствует энтелехии танца, псалмодии, хорала – они мертвеют. Оживают же от прикосновения вечности.

* * *

Что сказать в заключение? Синергическая семиотика красоты способна стать объединяющей силой для музыковедения. На правах общей науки она сродняет все разделы теории и жаждет пролиться в педагогику. Как научить тому, чему научить невозможно? Надо подвести учащихся к творящему Духу красоты, и тогда он сам примется воспитывать ученика денно и нощно. Без того останется мёртвой педагогике «учить искусству изготовления скелетов» (это слова Бетховена) или подражать пушкинскому Сальери: «Музыку я разъял, как труп». Труп разлагается без живительного духа красоты. А кто или что мешает изучать все элементы музыкальной речи, законы синтаксиса и формы, полифонии, метра, теории жанров и стилей и прочее и прочее – с точки зрения красоты?

Раньше мешала диктатура материи, слухебной и управляемой стороны бытия. А сейчас время особое. Наша страна, став изменницей духу, либо исчезнет, а с ней и мир, либо возродится вместе с воскрешающей силой святого духа красоты на благо всей земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баррозу Ж.М. На пути к добровольному партнерству // Цивилизация, притворяющаяся страной. Ведущие западные аналитики о России / ред. А.А. Сушенцов. М.: Эксмо, 2016. 384 с.
2. Иеромонах Р. (Роман Матюшин). Без Бога нация – толпа. Православная Страничка // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2009/07/28/6351> (дата обращения: 01.06.2023).
3. Медушевский В.В. Корпускулярно-волновой дуализм в педагогике // Художественное образование и наука. 2023, № 1 (34). С. 30–45. URL: <https://www.musnotes.com/v-v-medushevsky/Wave-particle-duality-in-pedagogy/> (дата обращения: 01.06.2023).
4. Медушевский В.В. Слуховой анализ в изучении музыкальной формы // URL: <https://www.musnotes.com/v-v-medushevsky/Auditory-analysis-and-structure/> (дата обращения: 01.06.2023).
5. Медушевский В.В. Фантазия в культуре и музыке // Музыка. Культура. Человек. Вып. 2 / под ред. М.Л. Мугинштейна. Свердловск: Уральский университет, 1991. С. 44–56.
6. Ремарк Э.М. Триумфальная арка. М.: АСТ, 1999. 640 с.
7. Цензорин. Книга о дне рождения // Вестник древней истории. 1986, № 3. С. 224–237.

Об авторе:

Медушевский Вячеслав Вячеславович, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки, Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского (125009, Москва, Россия), **ORCID: 0000-0003-0951-1838**, vmedu@mail.ru

REFERENCES

1. Barrozu Zh.M. Na puti k dobrovol'nomu partnerstv [Towards a Voluntary Partnership]. *Tsivilizatsiya, pritvoryayushchayasya stranoy. Vedushchie zapadnye analitiki o Rossii* [Civilisation Pretending to Be a Country. Leading Western Analysts About Russia]. Edited by A.A. Sushentsov. Moscow: Eksmo, 2016. 384 p.
2. Ieromonakh R. (Roman Matyushin). Bez Boga natsiya – tolpa. Pravoslavnaya Stranichka [Without God the Nation Is a Crowd. Orthodox Page]. *Stikhi.ru* [Poems.ru]. URL: <https://stihi.ru/2009/07/28/6351> (01.06.2023).
3. Medushevskiy V.V. Korpuskulyarno-volnovoy dualizm v pedagogike [Corpuscular-Wave Dualism in Pedagogy]. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka* [Art Education and Science]. 2023, No. 1 (34), pp. 30–45. URL: <https://www.musnotes.com/v-v-medushevsky/Wave-particle-duality-in-pedagogy/> (01.06.2023).
4. Medushevskiy V.V. *Slukhovoy analiz v izuchenii muzykal'noy formy* [Auditory Analysis in the Study of Musical Form]. URL: <https://www.musnotes.com/v-v-medushevsky/Auditory-analysis-and-structure/> (01.06.2023).
5. Medushevskiy V.V. Fantaziya v kul'ture i muzyke [Fantasy in Culture and Music]. *Muzyka. Kul'tura. Chelovek. Vypusk 2* [Music. Culture. Man. Issue 2]. Edited by M.L. Muginshtein. Sverdlovsk: Ural'skiy universitet, 1991, pp. 44–56.
6. Remark E.M. *Triumfal'naya arka* [The Arc de Triomphe]. Moscow: AST, 1999. 640 p.
7. Tsenzorin. Kniga o dne rozhdeniya [Book About the Birthday]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history]. 1986, No. 3, pp. 224–237.

About the author:

Vyacheslav V. Medushevsky, DrSci (Arts), Professor at the Music Theory Department, Moscow State Tchaikovsky Conservatory (125009, Moscow, Russia), **ORCID: 0000-0003-0951-1838**, vmedu@mail.ru

